

Другая жизнь

Театр кошек погибнет

Если не дождется помощи от госбюджета

Валерия ВАЛЬЦОВА

— Ваше имя давно стало нарицательным. Есть чем гордиться.

— Это не повод. Для меня важна и другая сторона моей деятельности — писательская. Четыре моих книги «Школа доброты» допущены Министерством образования России как учебно-методический комплект к уроку «Окружающий мир». Это занимательная психология для детей. Вот это действительно важно для меня. Моя задача — спасти детей России от наркомании и алкоголизма.

— Вы же клоун, ваша работа — смешить людей. Откуда такая серьезная цель?

— У моего друга умер от передозировки 22-летний сын. Мои дети росли вместе с ним в цирковых опилках. Когда мы его хоронили, меня это так задело, будто мой ребенок умер. Но писать такие серьезные книги я начал не сразу. Лет пять назад я получил святой огонь в Иеруса-

лиме. Два года его добивался, но никак не мог получить. Господь меня не пускал. Для того чтобы получить огонь, надо очиститься духовно, признать ошибки и даже в мыслях не повторять их. Вот когда я прошел такое покаяние, Господь пустил меня. И я получил этот огонь и умылся им — он ведь совсем не обжигает. Это трудно объяснить, но тогда впервые в жизни я ощутил благодать. Все знают это слово, но ощутить его нельзя. Оно не сравнимо ни с эротическим удовольствием, ни с любовью к детям. И я обратился к Богу: «Господи, как мне помочь детям России?» И вдруг мне пришла мысль: «А ты сам ответь на вопрос, почему ты не стал наркоманом и алкоголиком». Я тут же сел и начал писать, и писал ровно три года. Но я не просто писал, меня будто кто-то вел. Если я чувствовал, что мне не хватает знаний, то брал научные труды профессоров, академиков. Особенно мне помог-

ли работы академика Орлова из Института Сеченова. Мне просто доносить свои мысли до детей, у меня мощные рычаги влияния на них — их любовь к животным.

— И все-таки что вас особенно задевает?

— Сейчас в театре везде показывают порнографию, потому что это коммерчески выгодно. А театр — это душа народа. Он ведет, как маяк. Самое главное слово — это Любовь. Ведь даже в Библии сказано: «Бог есть любовь». Но сейчас слово «любовь» заменяют словом «секс». Я не против секса. У меня самого трое детей. Это хорошее дело, но не синоним любви. Вот кого больше всего любит 4-летний мальчик? Маму. И мама любит его. И здесь нет речи ни о каком сексе. Вот такая любовь помогла мне найти с кошками общий язык. Я встретил на улице котеночка и полюбил его, а он полюбил меня. Оказалось, в жизни важно не только любить, но и быть люби-

мым. Это все я рассказываю детям младшего школьного возраста. А с подростками у меня уже совсем другой, более мощный разговор. Однажды я выступал перед 13-летними девочками. И я им сказал: «Никогда не убивайте!» Все переполошились. А я объяснил, если в тебе зародилась жизнь, ты не имеешь права губить ее. У меня в семье даже никто не заикается об аборте, знают, что я этого не прошу.

— Почему вы все время обращаетесь к детям?

— Я считаю, что со взрослыми уже поздно говорить. Я не врач и не психолог. И хочу не спасать больного, а научить его не болеть.

— Судя по всему, слова «любовь» и «доброта» очень многое для вас значат. Но все-таки профессия дрессировщика достаточно жестокая.

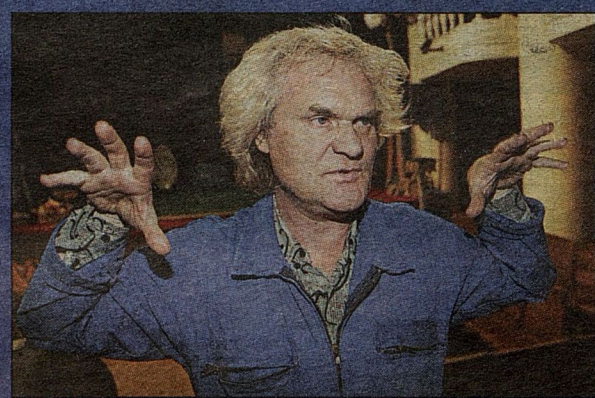
— А кто вам сказал, что я дрессировщик? Это был злой и глупый человек. Дрессировать — это подчинять животных своей воле. А у меня все построено на ненасилии. Я даже своих детей на этом воспитывал. В чем оно заключается: подсмотреть и поощрить то, что нравится животному. Вот я пришел как-то домой и увидел, что кошка спит в кастрюле. Жена принялась ругаться, а я обрадовался — кошка подала мне идею инсценировать басню «Кот и повар». Когда кто-то говорит, что Куклачев издевается над животными, это все от зависти, потому что популярность у меня огромная. И не только в России, но и во всем мире. Я же вписан в Золотую книгу всемирного цирка, я — лауреат Монте-Карло. Только два клоуна из России — Олег Попов и я — сумели завоевать этот приз.

— Вы чувствуете зависть к себе?

— Я уже ничего не чувствую, потому что ушел из цирка, ушел из мира, где завидуют и ревнуют. Мне поэтому и балет неприятен. Мир балета, также как и цирка, очень жесток. Мой 20-летний сын Владимир — танцор балета. Он сейчас звезда за рубежом, танцует почти все партии. Здесь бы ему этого не дали. Когда я приезжаю за рубеж и называю свою фамилию, меня спрашивают: «О, Куклачев! Это из балета?»

— Правда ли, что ваш Театр кошек единственный в мире?

— Это так. Не зря сам Бельмондо вручил нам в Париже золотой кубок как «самому оригинальному театру в мире». Правда, мои псевдочученики пытались что-то подобное сделать в Москве. Даже писали мою фамилию на афише. Хулиганы. Вот меня часто спрашивают: «А вы хотите получить очередное звание? Или чтобы вашего сына Дмитрия наградили?» Если бы у меня не было звания на-



Предметом гордости советского, а теперь и российского народа, всегда были достижения в космосе и балете. Четырнадцать лет назад появился еще один повод гордиться — единственный в мире Театр кошек под руководством Юрия Куклачева. Но сегодня детищу Куклачева катастрофически не хватает денег, ведь частный театр не может надеяться на госбюджетное финансирование. Театр кошек, конечно, не умрет. Его уже ждут во многих странах мира, ведь имя Куклачева стало своеобразным брендом. Корреспондент «РК» встретился с Юрием Куклачевым, чтобы понять, почему Россия может потерять свой замечательный театр, в который с удовольствием ходят и взрослые, и дети. Юрий Дмитриевич встретил нас без грима, в рабочем комбинезоне. У человека-бренда шла обычная репетиция.

родного артиста РСФСР, а бы и не пытался его получить. У меня есть другое народное звание: я — Куклачев. Любовь народа — выше звания нет.

— Ваш старший сын Дмитрий продолжил династию. Он клоун, жонглер, акробат, работает вместе с вами в Театре кошек. Но, несмотря на то, что он уже много лет полноправный артист, Дима все еще не вышел из-под вашей тени. Вас это печалит?

— Для того чтобы Костю Райкина увидели, надо было его папе умереть. Это грустно. Я думаю: неужели и мне придется умереть, чтобы сына заметили. А я хочу при жизни это увидеть. Дима — мастер-суперзвезда. Я сделал так, что он второй год практически один работает в театре. А я хожу по фойе. Все хотят видеть живого Куклачева — пожалуйста — трогайте, фотографируйте, берите автографы. И работа Димы только увеличила популярность театра. Нашему детищу уже 14 лет, и у нас всегда аншлаги. Однако в 2003 году Театр кошек был очень близок к закрытию. Налоги, тарифы на воду и свет совсем задушили нас. Я еще и зарплату людям должен приличную платить, чтобы они не чувствовали себя ущербно. А цены на билеты от 20 рублей. Есть, правда, билеты на первом ряду за 350 рублей, но это всего 8 мест, и их чаще всего берут иностранцы. А средняя цена — 50 — 70 рублей. Мне говорят: «Ты с ума сошел! Почему всего 20 рублей за билет берешь?!» Я отвечаю: «Нищих много, пусть идут и смотрят». Ну вот, мы должны были закрыться в прошлом году. Но Юрий Лужков подключил нас к программе бесплатных посе-

щений для детей из малоимущих семей. И это нас пока спасло. Мы часто проводим «Уроки доброты» в школах. Лужков прочитал мои книги и дал команду по всем библиотекам и школам их распределить, потому что он почувствовал мою боль за наших детей. В каждой книге 50 страниц и еще 100 страниц пособие учителю, как вести урок. Никому не нужны учителя-солдафоны. Нельзя просто отбарабанить свой урок и уйти. И я сейчас обращаюсь к нашим учителям: «Друзья, вы целая армия! Миллионы детей 45 минут сидят и слушают вас. Даже у телевидения нет такого влияния. Мы не будем стоять у Думы с плакатами «Дайте нам зарплату!» Мы сегодня воспитаем новое поколение так, чтобы они пришли в Думу, в правительство и, ударив кулаком по столу, сказали: «Моя мамка должна получать больше всех!»

— Я слышала, Брежнев вас очень любил.

— Это меня и спасло в жизни. Я был не из цирковых, чужак, а династичность очень важна и в цирке, и в балете. Брежнев увидел мое выступление и был потрясен. Я, будучи самым молодым, получил звание народного артиста уже в 30 лет.

— Судя по всему, сегодняшняя власть к вам тоже хорошо относится.

— Нормально. Мы же против власти ничего не делаем. Что с кошки взять? Лишь мяу да мяу. Единственно, еще раз повторю: нам срочно нужно стать государственным. Не может Театр кошек быть частным театром. Своей успешной 14-летней работой мы доказали, что театр нужен москвичам. И очень надеюсь, что в Моссовете, в



Юрий Куклачев не против секса, но утверждает, что главное — это любовь

Куклачев Юрий



У меня все построено на ненасилии. Я даже своих детей на этом воспитывал. В чем оно заключается: подсмотреть и поощрить то, что нравится животному. Вот я пришел как-то домой и увидел, что кошка спит в кастрюле. Жена принялась ругаться, а я обрадовался — кошка подала мне идею инсценировать басню «Кот и повар»

Комитете по культуре выйдет приказ взять нас под охрану государства, иначе Театр кошек просто исчезнет в следующем году для Москвы и России.

— И для мира, ведь он единственный...

— Нет, для мира не исчезнет. Нас тут же заберут или во Францию; или в Америку, или в Японию. Японцы — особый народ. Очень отличаются от нас чувствительностью и восприятием. У нас заключен с ними 10-летний контракт. В этом году уже пятый год будем там гастролировать. Ежегодно мы проводим там по месяцу. Но не выезжаем из страны надолго. У нас были предложения уехать в Лас-Вегас, но не меньше, чем на 3 года. А это нереально — на столько времени бросить театр. Да, заработа-

ешь денег, но потеряешь любовь народа. Мы ведь творчеством занимаемся, а не коммерцией. Мы и выжили только потому, что нужны были зрителям. Вот посмотрите, какой у нас уютный, маленький театр. В свое время, больше 10 лет назад, я поймал Егора Гайдара и вытряс из него денег на ремонт.

— А разве под ваше имя сложно найти спонсора?

— Жизнь доказала, что все спонсоры обязательно что-то хотят взамен. Например, комнату с телефоном. Мы выстояли 14 лет, как чисто детский театр. У нас нет ни ресторана, ни общественного кафе. Это разные вещи. Вот у нас зал в 300 мест, а реально помещаются 500 человек. Потому что дети до 3 лет проходят бесплатно.

— У вас же написано, что

бесплатно пускают детей до 6 лет?

— Надо же, а я и сам не знал. Вообще вся наша работа — это благотворительность. Дима часто ездит на благотворительные спектакли. Если бы я был здесь как Полунин, то собрал бы три тысячи за билет. Но для этого нужно уехать. А я не хочу. Я вижу здесь свое предназначение. Хотя все может быть в жизни. Мы вот здесь живем, а наш младшенький Вовочка там. И он звезда. Он еще придет сюда и потрясет всех. Здесь тоже понадобится новый Барышников.

— У вас крепкая семья?

— Со мной в театре работает моя жена Елена Куклачева. Мы женаты уже около тридцати лет. Лена — выдающаяся актриса. Сам Марсель Марсо это отмечал. Ее все

время звали сниматься в кино, но для нее важнее семья. Она старше меня, а выглядит моложе. Как и я, Лена не из цирковой семьи, с улицы. Мы стараемся друг друга поддерживать. С возрастом очень важно сохранить чувство любви. У многих пар идет озлобление, мужчины ищут молодых женщин. А всем нужны терпимость и умение прощать. Я все время своей 22-летней дочери Кате говорю — запомни, для девочки очень важна верность. Катя, кстати, талантливая художница и фотограф. Посмотрите, фойе театра украшают ее работы.

Здесь интервью прервала помощница Юрия Дмитриевича. Она позвала его к телефону: «Говорят, по личному вопросу».



Юрий Дмитриевич отработывает новый номер

— Скажи, я не смогу подойти. Это опять, наверное, кошку предлагают. Мне человек 20 в день звонят. Раньше все время приносили. А если меня не заставляли, бросали прямо у театра. Зато кошки у нас всех крыс переловили. Вокруг богатые фирмы накупили приборчики, отпугивающие крыс, они все к нам и побежали. Я тогда кошек выпустил, и они всех крыс в одном углу штабелями сложили.

— Как же вы выбираете из хвостатых претендентов, кто из них поцелован Мельпоменой?

— Это очень сложно, но я вижу. Иногда из кошки не получается артист, и мы ее дарим зрителям. У нас много своих котят рождаются, бывают и очень пугливые. Кроха ползает, пищит, будто его кто-то бил. Я пригляделся внимательно, оказывается, сама кошка выбирает, кому жить. Кого-то допускает до груди, а кому-то дает затрепину.

— Как же вы регулируете кошачью любовь?

— Да очень просто. Мы за свободную кошачью любовь, хотя мальчики и девочки у нас живут раздельно. Кошка должна обязательно окотиться, иначе она заболит раком матки. Я сначала не знал, и у меня кошки, бывало, погибали. Вот «мужики» могут 25 лет прожить как евнухи и ничего. Единственно, начинают очень сильно метить территорию.

— Как вы относитесь к искусственному ограничению кошачьей любви?

— Вообще-то отрицательно, но мой ветврач говорит, что кастрированные коты дольше живут. У нас есть и такие. Иным кошкам и рожать нельзя. Но таких в театре мало. У нас даже есть комната любви и расписано время пребывания в ней. Два раза в год Марыска должна окотиться. Но случается, что Вася как-то образом проникает на женскую территорию и резко увеличивает поголовье котят.

— Сколько сейчас кошек в театре?

— У нас сейчас 120 кошек и 5 собак.

— Чем же вы такую ораву кормите?

— «Китикетом». Наш кот Борис снимался в рекламе этого питания. Сначала он был рыжим — в этой роли выступили наши звезды Чубайс и Морковка. Потом рекламодатели потребовали сменить цвет Бориса на черно-серый. Мы тут же нашли такого кота. Он им понравился, так как эта порода — черно-серая — очень активная. Коту Борису у нас целый спектакль посвящен — «Кошачья Олимпиада». Он проходит просто на ура! Конечно, питание у наших кошечек хорошее. Мясо, рыба — все не то. Наш ветврач посоветовал такую диету — кормить курицей, индейкой, для того чтобы кошки были активные и здоровые. Главное, если кормите сухим кормом, не забывать про воду.

— К сожалению, ваши артисты иногда умирают. Есть ли у вас свое кладбище театральных животных?

— Нет, хотя я давно поднимал этот вопрос. Животные — члены семьи, их же нельзя просто выкинуть. Мы их хороним втихаря.

— В этом интервью вы показали себя с неожиданной стороны. А не думали сделать спектакль для взрослых, чтобы и до них донести свои мысли?

— У нас есть такой спектакль, называется «Кошки из Вселенной». Но весь ужас в том, что к нам приходят только с детьми. И все сразу удивляются — почему такой серьезный спектакль. Хотя дети его тоже хорошо воспринимают. Зато в Японии на нас ходят только взрослые. Они и сами совсем как дети. У меня есть шанс донести свои мысли до взрослых через книги. Вот только сегодня подписал контракт на выпуск очередной книги. Сейчас все заняты бизнесом. Такие слова, как доброта и милосердие, отошли на второй план. А я своих юных зрителей и читателей призываю вступить в армию добра и милосердия. На спектаклях дети дают мне священное слово перед своей совестью. И это главная клятва, ведь от самого себя никуда не убежишь.